

Проф. Д. Анучинъ.

Значеніе нынѣшней войны.

I.

нѣмцы о себѣ и о другихъ.

Многіе убѣждены, что виновникомъ нынѣшней войны является исключительно Вильгельмъ II, навязавшій ее и Германіи, и Австро-Венгріи. Въ извѣстной степени, конечно, это такъ, но было бы ошибочно думать, что Вильгельмъ шелъ въ данномъ случаѣ противъ желанія своего народа. Объявляя войну, онъ опирался, несомнѣнно, на сочувствіе большинства нѣмцевъ, для которыхъ едва ли какая-либо война могла быть болѣе популярной, чѣмъ война съ Россіей. Во всякомъ случаѣ, война эта способна увлечь нѣмцевъ не менѣе, чѣмъ борьба съ французами, въ которыхъ каждый истый нѣмецъ долженъ обязательно видѣть своихъ враговъ. Но непріязнь нѣмцевъ къ французамъ— иного рода, чѣмъ къ славянамъ и русскимъ. Французамъ нѣмцы завидуютъ, какъ народу культурному и богатому, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и смотрятъ на нихъ свысока, какъ на націю вырождающуюся, и не могутъ забыть, что когда-то имъ приходилось терпѣть отъ французскихъ войнъ и завоеваній. Въ 1870—1871 гг. нѣмцамъ удалось разгромить Францію и на разгромѣ ея основать новую Германскую имперію. Отнявъ Эльзасъ и Лотарингію и наложивъ на побѣжденную націю колоссальную контрибуцію (5 миллиардовъ), нѣмцы рассчитывали подорвать въ корень по-

ложеиіе Франціи и надолго ее обезсилить. Этого однако не случилось; страна выдержала тяжелое испытаніе, стала быстро оправляться и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, напримѣръ, въ колониальномъ, стала даже болѣе сильной и богатой. Какъ извѣстно, Германія проявляла въ послѣдствіи неоднократно желаніе добить окончательно свою западную сосѣдку, но Россія стала заявлять себя уже не столь покладистой, какъ ранѣе, и Германіи пришлось сдерживать свои аппетиты. Тѣмъ не менѣе мысль о новомъ разгромѣ Франціи и о показаніи ей вторично нѣмецкаго кулака лелѣялась не однимъ Вильгельмомъ и военными сферами Германіи, но и вообще вліятельными слоями германскаго общества.

Къ Россіи и славянамъ нѣмцы относятся иначе. Славяне, это въ ихъ глазахъ низшая раса, удѣлъ которой быть въ политическомъ и культурномъ подчиненіи у нѣмцевъ. Славяне средней Европы и были, какъ извѣстно, подчинены нѣмцами, причемъ жившіе на территоріи нынѣшней Сѣверной Германіи были большей частью онѣмечены. Южные славяне попали, правда, большей частью подъ власть турокъ, но турецкое владычество въ Европѣ постепенно падало, и южные славяне образовали, наконецъ, независимыя государства. Съ нѣмецкой точки зрѣнія, для блага культуры и нужно однако, чтобы надъ славянами господствовали нѣмцы, и прежде всего Австрія, которая присоединеніемъ Босніи и Герцеговины начала было свое движеніе къ югу на Балканскомъ полуостровѣ. Но послѣдовавшія затѣмъ событія отдали остальную часть полуострова въ руки славянъ и грековъ, что, конечно, не въ интересахъ нѣмцевъ. Начатая Австро-Венгеріей войны съ Сербіей и науськиваніе Германіи Турціей и явились попытками новаго расширенія нѣмецкаго вліянія насчетъ связаннаго исторически съ полуостровомъ греко-славянскаго міра.

Изъ всѣхъ славянскихъ государствъ только одной Россіи удалось не только отстоять свою независимость, но и сдѣлаться великой державой. Была она, правда, одно время подъ монголо-

татарскимъ игомъ, но не утратила отъ того своей самостоятельности и, собравшись вокругъ Москвы, свергла иго и стала расширяться и крѣпнуть. Пробовали было подчинить ее и нѣмцы, и шведы, но попытки эти не удались. Еще въ XIII вѣкѣ и тѣ, и другіе пытались завладѣть Новгородской землей, но получили рѣзкій отпоръ отъ князя Александра Ярославича; какъ извѣстно, шведы были разбиты на Невѣ, а нѣмецкіе рыцари на Ледовомъ побоищѣ—на Чудскомъ озерѣ. Какое значеніе придавалось Русью этому отпору, видно изъ того, что память князя Александра Невского, признаннаго святымъ, высоко чтится и до сихъ поръ русскимъ народомъ.

Въ XVII вѣкѣ владѣнія Польши и Швеціи отдѣлили насъ отъ нѣмецкихъ державъ, но побѣды Петра I ввели въ число русскихъ подданныхъ и нѣмцевъ (въ Прибалтійскихъ провинціяхъ). Начатое Петромъ дѣло преобразования (европеизации) Россіи вызвало потребность въ болѣе свѣдущихъ и образованныхъ иностранцахъ, которые стали приглашаться и сами наѣзжать въ реформируемую имперію. Шли они изъ разныхъ странъ Европы, но, въ концѣ-концовъ, преобладаніе получили нѣмцы, какъ ближайшіе къ намъ, да и въ другихъ отношеніяхъ болѣе подходящіе. Нѣмцы шли къ намъ и въ качествѣ земледѣльцевъ (колонисты) и ремесленниковъ; они стали нашими учителями въ заводскомъ, фабричномъ, горномъ, военномъ, частью сельскохозяйственномъ и коммерческомъ дѣлѣ; они долгое время поставляли намъ ученыхъ и педагоговъ, врачей, техниковъ; они заняли видное мѣсто и въ администраціи, въ различныхъ вѣдомствахъ, при чемъ и самая организациа чиновничества была построена, главнымъ образомъ по нѣмецкимъ образцамъ. При Николаѣ I однимъ нѣмецкимъ писателемъ было подсчитано, что нѣмцы на русской государственной службѣ, на высшихъ и среднихъ должностяхъ составляли 26%, но,—прибавляетъ этотъ писатель,—если бы можно было опредѣлить отношеніе вѣсомъ, т.-е. принять въ соображеніе степень власти, значенія и вліянія, то оказалось бы болѣе 74%.

И это, пожалуй, было близко къ истинѣ, если припомнимъ, что нѣмцы (изъ Германіи) стояли тогда часто во главѣ вѣдомствъ, были министрами (какъ, напр., гр. Канкринъ, гр. Несельроде) и что недаромъ же извѣстный острякъ, генераль-адъютантъ князь Меншиковъ, просилъ какъ-то разъ императора Николая Павловича оказать ему милость — произвести его въ нѣмцы. Такая роль нѣмцевъ въ Россіи дала основаніе историку Россіи Герману (*Geschichte des russischen Staates*. 1846) утверждать, что «преимущественно благодаря нѣмцамъ, ихъ образованности, трудамъ и познаніямъ Россія поднялась на степень великой европейской державы и распространила свои предѣлы до образованнѣйшихъ странъ Запада и въ доброй части азіатскаго востока», а другому писателю, Дитцелю, сказать, что «истинную государственную силу русскаго народа составляютъ чужіе, нѣмецкіе элементы (*die wahre staatliche Starke des russischen Volks die fremden, die germanischen Elemente sind*)».

Такое убѣжденіе въ значеніи нѣмецкихъ элементовъ для Россіи давно уже стало соединяться у нѣмцевъ съ презрительнымъ отношеніемъ ко всѣмъ славянамъ и, въ частности, къ русскимъ и Россіи. Стараніями нѣмецкихъ ученыхъ, историковъ, антропологовъ, философовъ, публицистовъ, была выработана теорія, по которой германцы, въ частности нѣмцы, представляютъ изъ себя наиболѣе совершенную во всѣхъ отношеніяхъ вѣтвь челоуѣчества, и что духовное превосходство нѣмцевъ и ихъ центральное положеніе въ Европѣ предопредѣляетъ Германію къ владычеству и господству надъ истощеннымъ и беспильнымъ латинскимъ Западомъ и грубымъ, некультурнымъ славянскимъ Востокомъ. Германцы стоятъ выше другихъ расъ и народовъ и по своимъ физическимъ признакамъ; древній германскій типъ, характеризующійся высокорослостью, бѣлокуростью, глубокозостью, удлиненной головой (долихоцефаліей), продолговатымъ лицомъ, можетъ быть признанъ наиболѣе совершеннымъ въ челоуѣчествѣ. Онъ и теперь еще сохранился, особенно на сѣверѣ германскаго міра, и если онъ сталъ рѣдокъ въ другихъ мѣстахъ,

то это объясняется тѣмъ, что въ составъ населенія Германіи вошло много онѣмеченныхъ кельтовъ, славянъ и другихъ инородцевъ. Зато указанный бѣлокурый типъ былъ занесенъ готами, франками, лангобардами и др. за предѣлы Германіи, въ Галлію, Италію, Испанію, и внесъ туда, по мнѣнію многихъ нѣмецкихъ писателей, благородную германскую кровь, явившуюся благодѣтельнымъ ферментомъ для развитія цивилизаціи въ этихъ странахъ. Л. Вольтманъ въ двухъ большихъ сочиненіяхъ¹⁾, основанныхъ на массѣ изысканій и на просмотрѣ громаднаго числа портретовъ, старался доказать, что величайшіе гении Итали и Франціи были потомками германцевъ, и что исторія культуры въ этихъ странахъ была дѣломъ бѣлокурой германской расы, постепенно вымиравшей тамъ, что и было причиной позднѣйшаго упадка романскаго міра. Авторъ доказываетъ, что почти всѣ итальянскія знаменитости—Данте, Тассо, Петрарка, Аріосто, Альфіери, Боккачіо, Микель-Анджело, Леонардо да-Винчи, Рафаэль, Тиціанъ, Макиавелли, Савонаролла, Лоренцо Медичи, Хр. Колумбъ, Галилей, Д. Бруно, Вольта, Мадзини, Канова, Гарибальди, Кавуръ, Верди и многіе другіе были германцами по крови, что доказывается какъ ихъ типомъ, такъ отчасти и ихъ фамиліями. Такъ, Гарибальди, это старонѣмецкое прозвище—Garipalt, Мадзини происходитъ отъ Matz, Верди отъ старонѣмецкаго Verdo, Werth, Тассо—отъ Dasse, Боккачіо—отъ Bock, Данте Алигieri—отъ Aigler, Леонардо да-Винчи—отъ Winke, Рафаэль Санти—отъ Sandt, Буонаротти—отъ Bohnrodt и т. д. Во Франціи оказывается то же самое: германскій типъ имѣли будто бы Вобанъ, Кондэ, Кольберъ, Мазарини, Монтэнъ, Декартъ, Мольеръ, Вольтеръ, Руссо, Корнель, Лафайеттъ, Робеспьеръ, Наполеонъ I, Лавуазье, Кювье, Ламартинъ, Мюссэ и мн. др., даже В. Гюго и Родэнъ. Вообще эпоха Возрожденія и послѣдующее развитіе культуры въ романскихъ странахъ были дѣломъ проникнувшей туда германской расы, которая явилась

¹⁾ L. Woltmann, „Die Germanen und die Renaissance in Italien“. 1905 г. Его же „Die Germanen in Frankreich“. 1907 г.

послѣдницей древнихъ въ политической и духовной исторіи Европы¹⁾. Мысль, что обитатели «сердца Европы» (das Herz von Europa) нѣмцы — составляютъ лучшую, благороднѣйшую часть челоуѣчества, была уже давно высказана Фихте въ его «Рѣчахъ къ нѣмецкому народу» (Reden an die deutschen Nation), а теперь едва ли найдется такой нѣмецъ, который бы не былъ убѣжденъ, что «das deutschen Volk in dem Gesamtwerthe seiner Krafte weitaus das erste Volk der Welt ist»²⁾.

Возвращаясь къ нѣмецкому мнѣнію о славянахъ, его можно резюмировать вкратцѣ такъ³⁾: Славяне хотя и родственники германцамъ по языку, относящемуся также къ индо-европейской вѣтви, но представляютъ изъ себя расу несравненно низшую. Положеніе славянъ относительно нѣмцевъ можетъ быть сравниваемо съ отношеніемъ негровъ и туранцевъ къ европейцамъ, кельтовъ къ римлянамъ и германцамъ, женщины къ мужчинамъ. Славяне — раса пассивная, германцы — раса активная. Эти положенія доказываются бѣдностью, неразвитостью, грубостью и невѣжествомъ славянскаго простолюдиня, преданнаго суевѣріямъ, лѣности и пьянству, — постояннымъ господствомъ всевозможныхъ злоупотребленій въ славянской общественной и государственной жизни, — неспособностью и неумѣніемъ славянъ

¹⁾ Не стоитъ и доказывать, что все это — вздоръ. Бѣлокурый долихоцефальный типъ былъ извѣстенъ уже въ древнемъ мірѣ, у грековъ и на востокѣ, гдѣ, конечно, никакихъ германцевъ не было, хотя нѣкоторые ультра-германцы видятъ и тамъ своихъ родичей, утверждаютъ даже, что и І. Христосъ былъ германцемъ по типу. Германскія племена отнюдь не были носителями новой культуры въ романскихъ странахъ; они только разрушали древнюю культуру, и возрожденіе началось тамъ лишь подъ культурнымъ вліяніемъ Греціи, когда романскій геній сталъ подниматься надъ задавившей, было, его германской воининой. Что касается бѣлокураго типа, то онъ болѣе сохранился не у нѣмцевъ, а у шведовъ, норвежцевъ, датчанъ, шотландцевъ и др., и большинство выдающихся носителей нѣмецкой культуры не выказывало вовсе признаковъ этого типа.

²⁾ „Нѣмецкій народъ въ совокупности его силъ есть первый народъ въ мірѣ“.

³⁾ Такое резюме на основаніи обширной нѣмецкой литературы было сдѣлано В. И. Ламанскимъ въ его изслѣдованіи: „Объ историческомъ изученіи грѣко-славянскаго міра въ Европѣ“. Птргр. 1871.

пользоваться умѣренной свободою, подражательностью, испорченностью, легкомысліемъ, дряблостью воли высшихъ классовъ. Поэтому вся исторія славянъ такъ мало поучительна для мыслителя, такъ ничтожна въ исторіи новой (христіанской) образованности. Немногія исключенія принадлежатъ тѣмъ періодамъ ихъ исторіи, когда политическая и духовная жизнь славянскихъ государствъ паправлялась нѣмецкой цивилизующей стихіей. Литература, наука, искусство славянъ отличаются отсутствіемъ умственной оригинальности и творческой самобытности. Историческая и культурная неспособность славянской расы доказывается и тѣми огромными утратами, которыя въ теченіе вѣковъ пришлось ей испытать на югѣ и западѣ. Нѣмцы захватили у славянъ и оуѣмили болѣе восьми тысячъ кв. миль славянской земли и доставили своему языку господство у тридцати съ лишкомъ милліоновъ славянъ и другихъ племенъ такъ называемой субгерманской Европы. Какъ доказывалъ Трейчке, всѣ попытки славянъ къ освобожденію отъ нѣмецкаго господства бесполезны, бессмысленны и тщетны. Въ случаѣ временной удачи потеряли бы сами славяне, лишившись руководства назначеннымъ имъ Провидѣніемъ повелителей, учителей и обуздателей (Bezwingen, Lehrer, Zuchtmeister), а исторія челоуѣчества сдѣлала бы огромный шагъ назадъ. Дальнѣйшее завоевательное движеніе германской стихіи на славянскомъ востокѣ вызывается всею предыдущей исторіей европейско-христіанской образованности, всѣми высшими интересами современной цивилизаціи. Еще около времени Крымской войны, въ 1850 годахъ, вышелъ рядъ нѣмецкихъ (особенно—пруссскихъ) брошюръ, въ которыхъ доказывалась необходимость для Пруссіи рѣшительнаго выступленія противъ Россіи въ соединеніи съ Франціей и Англійей. Въ 1858 г. вышла брошюра одного изъ видныхъ прусскихъ государственныхъ людей, въ которой настоятельно рекомендовалось осадить и урѣзать Россію, отнять у нея Финляндію, Прибалтійскія губернія, Польшу, Литву, Подолію, Бессарабію, Новороссію съ Крымомъ, Кавказъ и вернуть ее къ старымъ предѣламъ

Московіи, предоставитъ ей развивать свою силу въ Сибири и Средней Азіи. Авторъ доказывалъ, что Пруссія должна была бы взять на себя инициативу въ этомъ выступленіи Европы противъ Россіи. Трейчке въ 1865 году тоже доказывалъ необходимость для нѣмцевъ распространиться насчетъ славянъ и Россіи, и колонизовать Балканскій полуостровъ и Малую Азію, Кинкель въ 1868 г. проповѣдалъ полуостровъ и Малую Азію. Кинкель («Kreuzzug gegen Russland»).

Все это высказывалось еще до французско-прусской войны и до объединенія Германіи. Созданіе Германской имперіи не могло, конечно, способствовать большей скромности нѣмецкихъ вождей. Занявъ первое мѣсто въ концертѣ европейскихъ державъ (какъ это скоро показалъ берлинскій конгрессъ и роль на немъ Бисмарка), Германія стала стремиться къ тому, чтобы сдѣлаться первой міровой державой (Weltmacht). И, дѣйствительно, прошло какихъ-нибудь 25—30 лѣтъ, и у Германіи оказались многочисленныя колоніи,—въ Африкѣ, Австраліи, Полинезіи, она стала твердою ногою въ Китаѣ, у ней образовался обширный коммерческій флотъ и быстро началъ расти военный, ея промышленность и торговля получили міровое распространеніе въ соотвѣтствіи съ высокимъ уровнемъ, достигнутымъ ея техникой, однимъ словомъ, сдѣланы были такіе успѣхи, которые открывали самыя широкія перспективы для міровой роли Германіи. И это тѣмъ болѣе, что съ прогрессомъ культуры шло параллельно и усиленіе военной мощи, способной устранить всякія препятствія, какія могли возникать на пути къ достиженію Германіей мірового господства. Все это вмѣстѣ благопріятствовало самымъ радужнымъ надеждамъ, самымъ смѣлымъ планамъ: окончательный разгромъ Франціи и побѣда надъ Россіей, представлялись дѣломъ легкимъ и скорымъ, а затѣмъ имѣли слѣдовать: захватъ французскихъ колоній и части русскихъ владѣній, подчиненіе Бельгіи, униженіе Англій и отнятіе нѣкоторыхъ ея заморскихъ владѣній, присоединеніе Голландіи и ея колоній, расширеніе сферы вліянія на Ближнемъ и Дальнемъ Востокѣ и т. д.,

и т. д. Въ концѣ-концовъ, на развалинахъ отжившаго или неспособнаго къ плодотворному развитію должна будетъ,—какъ мечтаютъ нѣмецкіе патріоты,—начаться новая политическая жизнь, руководимая нѣмецкимъ геніемъ, и возникнуть новая міровая имперія, много болѣе обширная и мощная, чѣмъ Римская первыхъ вѣковъ нашей эры, или—императора Карла V.

II.

ГЕРМАНИЯ ВЫШЕ ВСЕГО НА СВѢТѢ.

Успѣхъ Германіи въ франко-прусской войнѣ 70-хъ годовъ принято было одно время приписывать «школьному учителю», т. е. болѣе грамотности и вообще болѣе развитію нѣмецкихъ солдатъ сравнительно съ французскими. Нѣкоторое вліяніе, конечно, это могло оказать, но, какъ потомъ выяснилось, главная причина успѣха лежала въ болѣе подготовленности Пруссіи къ войнѣ, въ болѣе численности и лучшей организаціи германской арміи, въ болѣе высокомъ уровнѣ нѣмецкаго команднаго состава. Какъ бы то ни было, кампаніи 1866 года съ Австріей и начала 70-хъ годовъ съ Франціей высоко подняли духъ германской, особенно прусской арміи, которая стала смотрѣть на себя какъ на первую въ мірѣ. Съ своей стороны, и высокія сферы Германіи не считали возможнымъ заснуть на побѣдныхъ лаврахъ, а, напротивъ, не жалѣли средствъ и прилагали всѣ старанія, чтобы умножить свои военныя силы, улучшить ихъ организацію, использовать успѣхи техники, создать большой морской и воздушной флотъ. Усилія въ этомъ направленіи дѣлались въ такихъ размѣрахъ, что и у специалистовъ, и у профановъ крѣпло убѣжденіе въ непобѣдимости германской арміи. И это тѣмъ болѣе, что кромѣ ея большой численности, хорошаго матеріальнаго устройства, технического совершенства

она и по духу,—какъ увѣряютъ нѣмцы,—стоитъ выше другихъ армій...

Чѣмъ же отличается этотъ духъ отъ свойственнаго другимъ арміямъ, которыя вѣдь также представляютъ плоть отъ плоти и кровь отъ крови соотвѣтственныхъ націй и также способны грудью отстаивать предѣлы родной земли? Одно изъ отличій заключается, повидимому, въ большей суровости и жестокости нѣмецкаго воинства, способнаго искать себѣ лавровъ не только въ борьбѣ съ вооруженнымъ врагомъ, но и съ мирнымъ, безоружнымъ населеніемъ. Любопытно, что культъ жестокости и хищничества проповѣдывался въ Пруссіи еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Такъ, въ сочиненіи нѣкоего д-ра Коха (Regierungs und Medicinalrath), вышедшемъ въ 1859 г., доказывалась необходимость для Пруссіи быть сильной военной державой, для чего совѣтовалось поощрять воинственный духъ и воинскія способности націи, развивая общіе у человѣка съ хищными животными инстинкты и способности.

Къ такимъ относятся, на примѣръ, по его словамъ, «хитрое подстереганіе непріятели, неподвижное выжиданіе, несмотря на кипучую страсть борьбы, пока не придетъ удобная минута, борьба съ крайнимъ напряженіемъ всѣхъ силъ, готовность пожертвовать жизнью и всѣмъ для побѣды, преслѣдовать ее съ высшимъ земнымъ наслажденіемъ до уничтоженія врага, при пораженіи скорѣе принять самую мучительную смерть, чѣмъ служить побѣдителю рабомъ»... «Именно тѣмъ и отличается хищническая природа человѣка отъ животнаго, что человѣкъ съ усиленною страстью ищетъ и находитъ своихъ враговъ не внѣ своего рода, а среди его. Эта хищническая природа человѣка первая побудила людей соединиться въ общества и племена, она и теперь составляетъ ихъ связь, ибо только общеніе спасаетъ отъ внѣшняго пораженія. Поэтому человѣкъ не долженъ совершенно подавлять и уничтожать въ себѣ хищническихъ стремленій. Многіе народы оттого и погибли, что уничтожили въ себѣ благородные хищническіе инстинкты (die edeln Raubthur-

triebe)“. Можно припомнить, что уже Фрейтагъ въ своемъ романѣ «Soll und Haben», возводилъ въ идеаль «полное отсутствіе того добродушія, которое ложно восхваляютъ какъ нѣмецкую добродѣтель (den ganzlichen Mangel jener Gutmüthigkeit, die man fälschlich als eine deutsche Tugend preis)». Теперь можно сказать, что указанный идеаль въ значительной степени достигнутъ нѣмцами, особенно германской арміей. Добродушіе теперь считается преступной слабостью, а жестокость, духъ истребленія и разрушенія,—нерѣдко въ самой варварской формѣ и не только по отношенію къ вооруженному противнику, но и по отношенію къ мирному населенію,—признаются необходимыми спутниками войны въ значительно болѣе степени, чѣмъ это допускалось предшествовавшими войнами XIX столѣтія.

И такой духъ (возвращающій Европу почти ко временамъ 30-лѣтней войны) внушается германцамъ съ дѣтства. Еще Кохъ, 50 лѣтъ тому назадъ, рекомендовалъ для развитія въ юношества воинственныхъ и хищническихъ инстинктовъ обученіе въ школахъ военнымъ упражненіямъ и хоровое исполненіе патріотическихъ и военныхъ пѣсенъ. Это, дѣйствительно, нашло себѣ широкое примѣненіе, и уже съ дѣтства нѣмцамъ внушается необходимость борьбы и побѣды надъ сосѣдними народами.

Du musst steigen oder si ken,
Du musst herrschen und gewinnen,
Oder dienen und verlieren,
Leiden oder triumphiren,
Amboss oder Hammer sein.

(Ты долженъ восходить или опускаться, долженъ господствовать и приобрѣтать или быть слугою и терять, страдать или торжествовать, быть наковальной или молотомъ).

А Германія должна быть для каждаго нѣмца выше всего на свѣтѣ, какъ говорится въ извѣстной патріотической пѣсенкѣ Гофмана фонъ-Фаллерслебена, ставшей народной:

„Deutschland, Deutschland über Alles,
Ueber Alles in der Welt“.

Пѣсенка, на первый взглядъ милая и невинная, по смыслъ ея значительный и тяжкій. Германія для нѣмца должна быть выше всего на свѣтѣ, слѣдовательно, и выше челоуѣчества, христіанства, нравственности, цивилизаціи, добра, Бога. Нѣмцы, правда, говорятъ, что они не боятся никого, кромѣ Бога одного, но этотъ богъ не есть Богъ милосердія и любви, а богъ нѣмецкій, который благоволитъ только къ нѣмцамъ и разрѣшаетъ имъ двѣ морали: одну—для своихъ, а другую—для чужихъ.

Извѣстно, что мораль дикарей и варварскихъ народовъ тѣмъ отличается отъ высшей христіанской морали, что она совершенно эгоистична: все, что хорошо и выгодно для меня, то—добро, а то, что невыгодно, то—зло. Впрочемъ, уже на раннихъ ступеняхъ общественности область морали расширяется: люди уже считаютъ зломъ все, что невыгодно и вредно для цѣлаго рода, даже для всего своего племени. Нельзя красть у своихъ родичей и соплеменниковъ, нельзя убивать ихъ, грабить, насилловать; но вполне можно дѣлать все это по отношенію къ другимъ, чужимъ племенамъ. Мало того: эти акты насилія по отношенію къ чужимъ считаются подвигами, доставляющими честь и славу. У даяковъ, напримѣръ, и нѣкоторыхъ другихъ народовъ отрѣзать и принести въ качествѣ трофея голову иноплеменика—похвальное дѣло, хотя бы эта голова была женская или дѣтская, добыта отъ спящаго или убитаго изъ засады; у многихъ племенъ ограбить чужого считается не только выгоднымъ, но и похвальнымъ. При возстаніяхъ дикарей въ европейскихъ колоніяхъ происходили нерѣдко ужасныя варварства; возставшіе съ особеннымъ стараніемъ и удовольствіемъ истребляли все европейское,—все, что свидѣтельствовало объ европейской культурѣ,—церкви, больницы, школы, библіотеки и пр. Мы, конечно, не думаемъ отождествлять нѣмцевъ, народъ съ высокою культурой, съ дикарями, но нельзя отрицать, что усиленно

поощряемый жестокий милитаризмъ и старательно внушаемыя враждебныя чувства къ «чужимъ» вызвали со стороны передового европейскаго воинства нѣсколько такихъ актовъ возмутительнаго истребленія и разрушенія, которые должны заклеить его у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ печатью грубаго варварства.

Нѣмцы, однако, не особенно беспокоятся тѣмъ, что о нихъ думаютъ другія культурныя націи. У нихъ процвѣтаетъ теперь культъ силы, впрочемъ, только своей силы, избраннаго своего народа. Проявленія этой своей силы по отношенію къ другимъ націямъ признаются всегда справедливыми и законными, какъ бы они ни были жестоки и возмутительно-несправедливы. Они законны уже потому, что совершаются въ интересахъ Германіи, а интересы Германіи, по наивному убѣжденію нѣмцевъ, совпадаютъ съ интересами высшей части человѣчества, передовой его вѣтви. Миссія нѣмцевъ—распространять блага культуры и вести впередъ міровую цивилизацію. Остальные народы обязаны не мѣшать нѣмцамъ въ выполненіи ими ихъ миссіи и подчиняться ихъ власти или, по крайней мѣрѣ, признавать ихъ гегемонію и преклоняться предъ ихъ руководствомъ. Противники нѣмцевъ должны считаться поэтому всегда неправыми, и ихъ выступленіе противъ Германіи равносильно возстанію противъ высшей культуры. Такая *mania grandiosa* обуяла не одного Вильгельма; ею заражены и высшіе представители современнаго германскаго духа. Пытаться разубѣдить нѣмцевъ въ этомъ отношеніи было бы совершенно напрасно и бесполезно; націямъ, вызваннымъ на борьбу, остается только исполнить свой долгъ, прячь всѣ свои силы, чтобы сломить искуснаго и мощнаго врага. И сломить нужно основательно, потому что, если этого не будетъ достигнуто, то въ ближайшемъ будущемъ Европу ожидаетъ новая, ужасная рѣзня, и это тѣмъ болѣе, что для германскаго правительства всякіе договоры—только клочки бумаги, имѣющіе силу лишь до тѣхъ поръ, пока это выгодно Германіи. Нѣмцы говорятъ, что въ нынѣшней войнѣ дѣло идетъ о существованіи

Германіи. Это, конечно, вздоръ: никто не думаетъ подчинять Германію и присоединять къ себѣ нѣмцевъ въ качествѣ новыхъ подданныхъ; никто не будетъ и мѣшать развитію германской культуры, ея науки, искусства, литературы, техники, промышленности. Но необходимо привести въ должные предѣлы ея милитаризмъ, необходимо обезопасить хотя бы на десятокъ—другой лѣтъ Европу и весь міръ отъ нѣмецкой «маніи величія», что будетъ благомъ не только для другихъ націй, но и для самихъ нѣмцевъ, которые въ состояніи будутъ сосредоточиться тогда на производительной культурной работѣ и вернуться, хотя бы отчасти, отъ челоѣконенавистничества къ своей старой *Gutmüthigkeit* (добродушію). Только достиженіе этой цѣли потребуетъ еще многихъ усилій отъ союзниковъ, такъ какъ нѣмецъ силенъ, главнымъ образомъ, своей техникой и ловокъ и увертливъ, какъ врагъ нашихъ богатырей въ старинной русской былинѣ. Но какъ бы ни были велики и тяжелы требуемая усилія, надо имѣть въ виду девизъ: «Теперь или никогда»; трудно ожидать, чтобы въ другой разъ условія сложились такъ благоприятно, какъ теперь, когда противъ силъ двухъ нѣмецкихъ державъ выступили самыя многочисленныя арміи (русская и французская) и первый въ мірѣ флотъ (англійскій), да еще помогаютъ три другихъ державы. Необходимо одолѣть непременно, иначе нѣмецкій орелъ даже съ подбитыми крыльями окончательно заклюеть болѣе слабыхъ и причинитъ массу зла челоѣчеству.
